

Добрыня Никитич и Василий Казимирович

Говорил солнышко Владымер-князь:

«Уж ты ой еси, Дунай сын Иванович!

Ты прибирай себе товарищов».

Говорит Дунай сын Иванович:

«Уж ты ой еси, солнышко Владымер-князь!

Я возьму себе Олёшиньку Поповича,

Нам, двоим робятам, веселе будё,

Я возьму себе Добрынюшку Микитича,

Троим нам, робятам, веселе будё».

Говорил старой Илья Муромец:

«Возьмите меня, говорит, в товаришши,

Усмотрел я свету белого,

Истоптал я матушки сырой земли». —

«Нам не нать старой Илья Муромец».

Говорил солнышко Владымер-князь:

«Вы свезите у меня дани-пошлины

Царю Батую Каймановичу,

Завалились эти дани-пошлины за двенадцать лет,

Нать свезти Батую царю Каймановичу:

Сорок сороков черных соболей,

Сорок тысячей по шсету золотой казны,

Сорок неученых больших жеребцей».

Стали суряжать нов черлен карабль,

Стали грузить на черлен карабль

Сорок сороков черных соболей,

Сорок тысячей по шсету золотой казны,

Сорок неученых больших жеребцей.

Пошли они во божью церковь

Помолитца Спасу Вседержателю,

Пресвятой матерь Божьей Богородицы,

Распрошшаются с солнышком Владымером

И с той же княгиной Апраксией,

И с тем же старым Ильей Муромцем.

Тогда заходят они на черлен карабль,

Поклали они сходенки дубовые,

Вытягивали они якори булатные,
Роспускали паруса канифасные,
Отправились тогда за синё море.
Деничѣк бежат они до вечера
И темную ночь до бела света,
Второй день бежат они до вечера
И темную ночь до бела света,
Третей день бежат они до вечера
И темную ночь до бела света.
Прибегают они близко к берегу,
Опускали паруса канифасные,
Пометали якори булатные,
Клали они сходни кончом на́ берег.
Тогда выходит Дунай сын Иванович,
Выходит он на крутой берег,
Затыкал он копейцо бурзомецкое
Тупым концом в землю, острым — под верхом.
Стал он ребятам наказывать —
Тому ли Олѣшиньки Поповичу,
Тому ли Добрынюшки Микитичу:
«При последней поры, при времени
Станет копейцо когда ржавети,
Тогда я буду во неволюшки».
Приходит он к царю Батуишшу,
Заходит в его гридну светлую.
Говорил Дунай сын Иванович:
«Уж ты ой, Батуй-царь Кайманович!
Я привез тебе дани-пошлины:
Сорок сороков черных соболей,
Сорок тысячей по шсету золотой казны,
Еше сорок неученых больших жеребцей,
Прими мои дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития».
И сказал Батуй сын Кайманович:
«Не приму я у тебя дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития.
Накину на тебя службу царскую:
Можешь ты играть со мной в пешечки валóвые,
Валóвые пешечки точёные?»

Приносит Батуй доску́ железную,
Вот и стали они играть пешками валóвыми,
Валовыма пешками точёныма.
Ступил Батуй сын Кайманович
Своей пешкой точёною,
Ступил Дунай сын Иванович.
Ступил Батуй во вто́рой раз,
Ступил опеть Дунай сын Иванович.
Ступил Батуй во третий раз,
Ступил Дунай сын Иванович.
В четвёртой Батую ступить некуды,
Батую тогда не погленулосе.
Берет Дунай сын Иванович
Пещецьну дóску железную
И бросил ее во дверь железную —
Вышиб дверь с ободвериной.
Призвал Батуишшо двенаццеть тотаринов,
Повели Дуная в темницу темную,
Привязали его коня доброго...
Выходит Добрыня на крутой берёг,
И выходит Олёшинька Попович блад,
Посмотрели копейцо бурзомецкое —
Затускло копейцо бурзомецкое.
Выводят своих коней добрых,
Берут свои доспехи богатырские,
Надевают они платьцо военное,
Садятца они на добрых коней,
Поехали они скоро-на́скоро
Искать своего товаришша,
Того же Дуная Ивановича.
Приежжают они в царство Батуево,
Увидели Дуная коня доброго,
Стоит он у столба дубового,
Пробил он землю по колён земли.
Тогда услышит их Дунай сын Иванович,
Что приехали его товаришши,
Говорил он Добрынюшки Микитичу:
«Сопни́ эти двери со тугих замков,
Выведи меня вон на улицу».

Сопнул Добрынюшка Микитьевич —
Слетели двери со тугих замков,
Выходил тогда Дунай вон на улицу.
Пошли они к царю Батуишшу,
Опеть сказал Дунай сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Батуй сын Кайманович!
Прими у нас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития». —
«Не приму я у вас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития,
Накину я на вас службу царскую:
У меня есть жеребец неученой,
Можете ли вы на нем ездити?» —
«Веди жеребца неученого», —
Сказал Добрынюшка Микитьевич.
Ведут двенадцать тотаринов
Жеребца неученого на цепи железной.
Накладывал Добрынюшка Микитьевич
На жеребца узду тосьмянную,
Накладывал седелко тосьмянное,
Скочил Добрыня на добра коня,
Понёсса он по чисту полю.
(Не сказано, сколько он ездил.)
Идёт жеребец ступцой бродовою.
«Убирайте своего коня доброго,
Довёл я коня до пропасти.
У нас на еких конях в городи
Ездят только старухи по миру».
Идут они к царю Батуишшу,
Говорил опеть Дунай сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Батуй-царь Кайманович,
Прими у нас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития».
Отвечает Батуй-царь Кайманович:
«Не приму я у вас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития,
Наложу я на вас службу царскую:
Есть у меня тугой лук и калена стрела,
Можете ли вы нашим тугим луком стрелеть?»

Несут лук два тотарина,
Каленú стрелу третей несет.
Выходил Олешка вон на улицу,
Натянул он тогда тугой лучок
И вкладывал стрелочку каленую —
Розлетелса лук на три жеребья.
Заходит Олешка в гридню светлую:
«Что, говорит, над нами смеется ты,
Приносишь нам насмех такой лучок:
Только стреляцца малым робятам,
А не нам, богатырям, таким лучком!»
Снова говорит Дунай сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Батуй-царь Кайманович!
Прими у нас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития». —
«А не приму, говорит, я дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития:
Сорок сороков черных соболей,
Сорок тысячей по сцету золотой казны,
Сорок неученых больших жеребцей».
Выходили они вон на улицу:
Во-первых, Дунай сын Иванович,
Во-вторых, Добрынюшка Микитич блад.
Приходят они ко своим коням добрым,
Скакали они на добрых коней,
Стали секчи рать-силу великую.
Тогда выходит Олешинька Попович блад,
Он не может добрацца до добра коня,
Взял он тотарина за ногу:
«Жиловат, говорит, собака, не порвисся,
Косьливая собака, не изломисся».
Добралса Олеша до добра коня,
Скоро скочил на добра коня,
Он берёт в руки палочку буёвую
И поехал вдоль по силы по великойей.
Во правú руку он бьёт — лежат улицей,
Во леву руку — переулками.
Повырубили они всю рать-силу великую,
Не оставили ни однёго на семени,

Злато-серебро они у их повыграбили.
Тогда заходит Дунай к Батую в гридню светлую:
«Прими, говорит, у нас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития».
(На смех говорит.)
Берет Дунай в руку саблю вострую,
Новую саблю, необновленну,
Обновил у его на белой шей,
Ссек у его по плеч голову.
Выходит Дунай вон на улицу
Из Батуевой гридни светлой,
Садятца тогда на своих коней добрых,
Поехали они ко своему нову караблю.
Доехали до своего нова карабля,
Спускались они со добрых коней,
Заводят коней добрых на черлен карабль,
Убирали они сходенки дубовые,
Вытягали они якори булатные,
Роспускали паруса канифасные.
Забегали тогда в гавань карабельную,
Опускали паруса канифасные,
Поклали они сходни кончом на́ берег,
Выносили они якори булатные,
Укрепили они нов-черлен карабль,
Выходили они на крутой берег,
Пошли в город-царство Батуево.
Стали носить товары разные на черлен карабль,
Носили они товары разнообразные;
Носили они злато-серебро,
Все грузили на черлен карабль,
Заводили коней самолучших.
И заходят молодцы на черлен карабль,
Клали якоря булатные на черлен карабль,
Убирали тогда сходенки дубовые,
Роспускали паруса канифасные,
И отправились робята за синё море,
За синё морё, робята, в стольной Киев-град.
Все они, робята, радёшиньки.
Вот и деничёк бежат они до вечера,

Бежат темную ночь до бела света,
Второй день бежат они до вечера,
Бежат темную ночь до бела света,
Третий день бежат они до вечера,
Бежат темную ночь до бела света.
Прибегают они к стольному ко Киеву,
Забегают в гавань карабельную,
Опускали паруса канифасные,
Выносили якоря булатные,
Крепили каравль крепко-накрепко,
Поклали они сходни кончом на́ берег,
Выходят робята на крутой берег.
Стречат их солнышко Владымер-князь,
И стречат их княгина мать Апраксия,
И стречат их старой Илья Муромец,
Стречат их вся дружинишка хорóбрая.
Тогда говорил солнышко Владымер-князь:
«Уж ты ой еси, Дунай сын Иванович!
Тебя милости к нам просим на почесен пир;
Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад!
Тебя милости просим на почесен пир;
Уж ты ой еси, Олёшинька Попович блад!
Тебя милости просим на почесен пир».
Завелось тут пированье-столованье, почесен пир.
Тогда стал Владымер красно солнышко выпрашивать:
«Уж ты ой еси, Дунай сын Иванович,
Каково себе поездил, себе путь держал?» —
«Поездил я по морю по синему,
Путь моя шла благополучная,
Надеелса я на Спаса Вседержителя,
Надеелса на пресвету мать Богородицу.
Не взял у нас Батуй дани-пошлины,
Сослужили мы его службы заданные:
Играл я в пешечки валовые —
Обыграл я Батуя скоро-наскоро;
И ездил Добрыня Микитьевич
На ихном жеребцы неучёном —
Заездил жеребца прямо до пропасти;
Стрелял Олеша тугим луком —

Розлетелса лук на три жеребья.
Я привез назад дани-пошлины:
Сорок сороков черных соболей,
Сорок тысячей по счету золотой казны
И сорок неученых больших жеребцей.
И повырубил мы всю рать-силу великую
И ссекли у самого со плеч голову,
Злато-серебро мы у его повыграбили,
Разноличные товары все повыносили,
Самолучших коней взяли в стольной Киев-град».

*(Зап. Леонтьевым Н. П.: 4 июня 1938 г., д. Лабожское Нижнепечорского р-на
— от Тайбарейского Василия Петровича, 73 г. Былину перенял от
односельчанина Пономарева Ф. М.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.